

★ Сергей НУРТАЗИН ★

СТЕПНОЙ ДЕСАНТ

ГВАРДЕЙЦЫ СТОЯТ НАСМЕРТЬ!

Сергей Нуртазин

**Степной десант.
Гвардейцы стоят насмерть!**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нуртазин С. В.

Степной десант. Гвардейцы стоят насмерть! /
С. В. Нуртазин — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-699-94372-2

Горячее лето 1942 года. Исход Сталинградской битвы зависел не только от тех, кто сражался на берегах Волги. Южнее к Астрахани почти без сопротивления продвигались немецкие моторизованные части. Судьба всей войны висела на волоске... Прорыв остановила легендарная 34-я гвардейская дивизия, сформированная из бойцов и командиров авиадесантного корпуса. В безводных степях Поволжья десантники, обученные для молниеносных операций в тылу врага, практически без артиллерии и без поддержки авиации, были вынуждены вести кровопролитные оборонительные бои против отборных частей Вермахта. Основанная на реальных событиях история о мужестве и бескорыстной солдатской дружбе двух красноармейцев, сержанта-ветерана и ефрейтора-новобранца, захватывающий военный боевик о боевых действиях гвардейцев-десантников.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94372-2

© Нуртазин С. В., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	35
Глава восьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Нуртазин
Степной десант.
Гвардейцы стоят насмерть!

© Нуртазин С.В., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

От автора

Может быть, неправильно начинать свое повествование со слов военачальника фашистской Германии, но то, что сказано им о советском солдате, заслуживает внимания:

«Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость...»

Фельдмаршал фон Клейст.

Пролог

День 9 мая выдался погожим: теплым, солнечным, безветренным. На бледно-голубом небе редкие облачка. На площади, у белокаменных стен древнего Астраханского кремля было многолюдно. Парад закончился, но горожане не спешили расходиться. Среди этого многолюдства и шума то и дело слышались благодарные поздравления в адрес увешанных боевыми наградами ветеранов:

«С Днем Победы! С праздником!» Один из них, среднего роста, полноватый, в сером костюме, с черной лакированной палочкой в руке, припадая на правую ногу, подошел к лавочке, на которой расположились четверо молодых людей. Две девушки и два парня, лет семнадцати-восемнадцати, были одеты в камуфляжную форму, на груди у всех георгиевские ленточки.

– Позвольте, ребятки, присесть.

Первой ответила курносая девушка в солдатской пилотке защитного цвета:

– Конечно, садитесь! – пихнув локтем рыжеволосого соседа, буркнула: – Олег, подвинься.

Парень не замедлил повиноваться. Ветеран сел, снял голубой берет, пригладил редкие седые волосы, утер платком лицо, рассеченное бугристым розоватым шрамом, закрывшим правый глаз.

– Вы уж не обессудьте, что потревожил. Мне на этой лавочке надо правнука дожидаться. Надеюсь, мое присутствие вам не помешает.

Еще одна соседка рыжеволосого Олега, красивая большеглазая брюнетка, замахала руками:

– Что вы! Что вы! Конечно, сидите! – Взгляд девушки упал на грудь старика: на пиджаке медали «За боевые заслуги», «За отвагу» и орден Славы третьей степени. – С праздником вас!

– С Днем Победы! – присоединились к поздравлениям остальные.

– Спасибо, ребята. А вы, я смотрю, в форме. Наверное, курсанты?

– Нет. Я и Олег из военно-патриотического клуба, – курносая девушка в пилотке указала на черноволосую красавицу и парня азиатской внешности. – А Настя и Руслан из поискового отряда. Они скоро поедут в Калмыкию на места боев.

Ветеран встрепнулся.

– В Калмыкию?

– Да. А вы там воевали?

Ветеран кивнул.

– Воевал.

Он задумался, взгляд остановился на увенчанных позолоченными крестами зеленых куполах кремлевского храма. Воспоминания унесли его в далекие августовские дни сорок второго года, когда на Кавказе и на подступах к Сталинграду завязались решающие сражения. В середине августа шестая армия Паулюса подошла к окраинам Сталинграда, а в Калмыкии немцы заняли город Элисту и нацелились на Астрахань. Случилось так, что астраханское направление осталось почти не прикрытым частями Красной армии. Астрахань готовилась к обороне. В это сложное время из Москвы и прибыла в город тридцать четвертая гвардейская стрелковая дивизия, одно из резервных подразделений Ставки, которую сформировали из бойцов и командиров седьмого авиадесантного корпуса...

Глава первая

Протяжный гудок потревожил предрассветное затишье. На станцию прибывал воинский эшелон. Пожилой железнодорожный рабочий в черной замасленной робе и фуражке с интересом наблюдал, как паровоз медленно, словно изнемогая от непосильной ноши, тянет за собой длинный состав. Но вот он, выпустив с шипением струю пара, остановился. Лязгнули буферные сцепки, отодвинулись двери, из товарных вагонов стали выпрыгивать красноармейцы. Железнодорожник заметил, что у всех голубые петлицы на воротниках защитных гимнастеров, а у командиров летные фуражки с «крылышками». Коренастый широколицый татарин в тубетейке подошел к железнодорожнику:

– Гляди, Иваныч, военный много пришел, видать, немец близка.

Железнодорожник подкрутил пышные седые усы.

– Были близко – станут далеко. Мы, Мустафа, им еще наkostenяем. Видишь, сколько летчиков привезли, значит и самолетов у нас в достатке...

Один из красноармейцев, широколобый, русоволосый крепыш среднего роста, с петлицами ефрейтора, поправил:

– Мы, дядя, не летчики, мы десантники, но то, что немца до Астрахани не допустим, я тебе обещаю.

– Вижу, вы ребята brave.

– А то как же. Мы ведь гвардейцы.

– Ишь ты, гвардия! Прямо как при царе. Я ведь в империалистическую войну и сам в гвардии служил, в Павловском лейб-гвардии полку. Видать, вы в боях отличились, если вас гвардейцами нарекли?

– Есть среди нас и повоевавшие, но большинство еще не успели. Мы гвардию наперед получили. Только ты, дядя, не сомневайся, мы гвардейского звания не уроним...

Разговор прервал окрик:

– Ефрейтор Вострецов, ко мне!

Ефрейтор обернулся. В двух метрах от него стоял длиннолицый командир Красной армии с петлицами старшего лейтенанта. Вострецов сделал шаг, приложил ладонь правой руки к пилотке:

– Товарищ старший лейтенант, ефрейтор Вострецов по вашему приказанию прибыл!

– Вострецов, ты читать умеешь?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Плакат с надписью «Болтун – находка для шпиона», читал?

– Читал.

– Раз читал, то прикинь, сколько ты сейчас сведений выдал...

– Так это же советские люди, товарищ старший лейтенант.

– А известно ли тебе...

Железнодорожник встал на защиту Вострецова:

– Ты уж, сынок, на парня не серчай, молод он еще. Да и мы разве на шпионов похожи? Мустафа один из лучших работников, награжден грамотой за ударный труд, а я в девятнадцатом году Астрахань от белогвардейцев оборонял. Был дважды ранен.

Командир смутился.

– Верю, отец, но бдительность в красноармейцах воспитывать надо.

– Это верно, – согласился железнодорожник.

– Стройся-я! – послышалось от соседнего вагона.

Старший лейтенант крепко пожал руку железнодорожнику, татарину Мустафе, обратился в сторону красноармейцев, зычным голосом, растягивая слова, скомандовал:

– Рота, повзводно, становись! – Строго глянул на Вострецова, понизив голос, добавил: – Ты чего улыбаешься? Команды не слышал? Быстро встать в строй!

Вострецов бросил благодарный взгляд на железнодорожника, поспешил исполнить команду.

– Ну что, Гришка, досталось тебе от Хитрова за разговорчивость? – подначил Вострецова сосед, стройный кареглазый сержант.

– Селиванов, отставить разговоры в строю! – Строгий взгляд Хитрова заставил сержанта вытянуться в струнку. – Всем привести себя в порядок.

С головы эшелона донеслось:

– Поротно, в коло-онну по три-и!

Хитров эхом повторил команды:

– В колонну по три становись! Направо, шагом марш!

Колонна зеленоватой змеей потянулась вдоль рельсов и, минуя вокзал, вошла в город. Десантники четкой поступью зашагали по улицам, мимо покосившихся сараев, деревянных домишек с резными наличниками и ставнями, добротных двух- и трехэтажных особняков с верандами, балконами и каменными фасадами, по всей видимости, бывших доходных домов, владений промышленников и купцов. Попадались и храмы, некоторые без колоколен и куполов: последствия борьбы с религией. После долгой дороги и томительного бездействия красноармейцы шагали бодро, да и августовское утро радовало – южным солнцем, щебетом птиц, обилием зелени. Город просыпался, улицы оживали, его жители выходили из домов, спешили по своим делам. Даже не верилось, что война была где-то рядом. Если бы не присутствие множества военных и не улыбочные лица прохожих, то можно было подумать, что город живет обычной мирной довоенной жизнью. Вострецов тронул Селиванова за рукав.

– Николай, смотри. Вон в просвете между домами колокольня белая. Видишь?

– Вижу.

– Там крепость. Астраханский кремль.

Селиванов удивленно посмотрел на друга.

– Откуда знаешь? Ты же из Ярославля родом.

– Родом из Ярославля, жил в Москве, а в Астрахани у меня тетка проживает, сестра матери. Я к ней каждый год летом приезжал. Проведать бы ее. Она рядом с Летним садом имени Карла Маркса живет. Видел церковь недалеко от вокзала, а за ней много деревьев?

– Видел.

– Вот это и есть Летний сад, его раньше «Аркадия» называли. Там театр деревянный. Красивый. На терем сказочный похож. Говорят, в нем сам Шаляпин выступал.

– Посмотреть бы.

– Это вряд ли. Когда на станции Баскунчак останавливались, я услышал, как наш командир батальона Овчинников говорил Хитрову, что мы в Астрахани долго не задержимся, мол, нам прямая дорога на Кавказ. Так что любуйся городом, пока время есть. Вот смотри, слева здание. Это дом купца...

Селиванов вытянул шею, но взгляд его был направлен в другую сторону. Он заметил, как впереди, из арочных ворот двухэтажного дома вышла темно-русая небольшого роста девушка в цветастом платье. Селиванов ухватил Вострецова за локоть.

– Не туда, Гриша, смотришь. Лучше погляди, какая девушка идет! Королевна!

Вострецов не замедлил последовать совету товарища. Девушка и вправду была стройна и красива. Особенно выразительные, темно-серые с длинными ресницами глаза. Ему показалось, что они смотрят на него. Отчего-то часто забилося сердце. И видимо, не у него одного. Селиванов не утерпел, мимоходом бросил:

– Девушка, вы ранили мое сердце, так помогите мне его излечить – подарите свою улыбку.

Девушка улыбнулась, помахала рукой, легкой походкой зашагала по тротуару. Из окна на втором этаже выглянула женщина:

– Маша! Не забудь к Зинаиде зайти!

– Хорошо, мама!

Это был голос девушки. Вострецов обернулся, чтобы посмотреть ей вслед, но споткнулся и едва не оказался на коленях. Сильные руки Селиванова не дали ему упасть. Сзади пошутили:

– Селиванова дивчина ранила, а Вострецова сразила наповал.

Кто-то из красноармейцев хихикнул. Словно из-под земли появился старший лейтенант Хитров:

– Держать строй! Отставить смех! Рота, песню запе-евай!

Запевала Селиванов звонко и чисто затянул:

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют.

Бойцы дружно подхватили:

В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет...

С песней достигли речного порта, остановились неподалеку от ворот. На подходе к порту их ждали мальчишки с чалками рыбы. Подошли, загалдели, перебивая один другого:

– Дяденька, купи леща!

– Возьмите селедку! Малосольная, вкусная! Дешево отдам.

Подошли еще трое. Один с арбузом, другой с дыней, третий – белокрысый, долговязый, лет тринадцати, нес в подоле рубахи десяток красных помидоров. Он-то и подошел к Селиванову. Деловито, по-взрослому спросил:

– Арбуз астраханский купишь? Спелый, сладкий.

Селиванов отрицательно покачал головой.

– А дыню?

– Нет. Спасибо.

Белокрысый не отставал:

– Может, помидоры возьмешь?

– Ты, малец, не обижайся, мы ведь на фронт едем издалека, а потому и в карманах у нас пусто. Была бы моя воля, я у тебя все купил. Мне ведь ни арбузов астраханских, ни дынь, ни помидоров сроду не приходилось пробовать. Донские и украинские ел, а астраханские не довелось. И придется ли, то, парень, большой вопрос.

Белокрысый опустил голову, взял из подола помидор.

– Бери, ешь, так даю, задаром. У меня отец с сорок первого воюет. Красноармеец Андрей Попов, не встречали?

Селиванов глянул в полные надежды глаза мальчишки, отвел взгляд:

– Нет, не встречал.

Мальчишка протянул помидор:

– Возьми.

Селиванов принял угощение:

– Благодарствую.

Белобрысый обвел взглядом лица красноармейцев, решительно произнес:

– И вы берите, бесплатно. Все берите.

Красноармейцы быстро разобрали помидоры. Мальчишки собрались уходить, Селиванов остановил:

– погоди, парень!

Белобрысый вернулся.

– Чего тебе?

Селиванов спросил:

– Тебя как зовут?

– Сашка.

Селиванов оглянулся на товарищей:

– А ну, ребята, давай, у кого какие запасы имеются! Задирай подол, парень.

Белобрысый не противился. Красноармейцы доставали из вещевых мешков заготовки, кто кусок хлеба, кто сухарь, кто сахар. Вострецов протянул банку тушенки, Селиванов пачку папирос «Казбек»:

– Держи, Александр. Для себя берег. Отец с фронта придет, ему отдашь. Скажешь, от сержанта Селиванова подарок.

Команда продолжить движение прервала речь Николая. Военная колонна подошла к причалу, началась погрузка на суда. Рота Хитрова ждала своей очереди на берегу Волги. Несмотря на то что день только начался, жизнь в порту кипела. По причалам сновали портовые рабочие, на пришвартованных пароходах, баркасах, баржах сустились матросы. Пристань была заполнена техникой, мешками, ящиками и людьми. В большинстве это были военные. В ожидании погрузки командир роты Хитров дал команду: «Вольно!» Вострецов и Селиванов сели на один из ящиков. Здесь и съели подаренные мальчишкой Сашкой помидоры, после чего стали наблюдать за движением судов по Волге. Вострецов снял пилотку, утер пот:

– Жара начинается. Сейчас бы искупаться. Здесь вода в августе теплая. А рыбалка какая! Рыбы всякой – прорва.

– А я бы сейчас прогулялся к дому королевны. Дом я ее знаю, квартиру на втором этаже найти несложно и имя мне теперь известно – Маша, Машенька, Мария.

Вострецов покосился на приятеля:

– Видать, зацепила тебя девчонка.

– А тебя, скажешь, нет?

Вострецов покраснел, обратил взор на воду.

– Чего это ты, будто помидор стал? – Селиванов достал из вещмешка полупустую пачку папирос, протянул Вострецову, складно изрек: – Слышь, помидор, закури «Беломор».

Вострецов отмахнулся:

– Да ну тебя. Нашелся поэт.

Селиванов вынул папиросу, закурил:

– Бери, скоро на махорку перейдем.

– Не хочу, побаловался недельку и хватит. Забыл, что нам полковник Цыганков на учениях говорил? Десантник должен быть смелым, умелым, здоровым и выносливым. А от курева какое здоровье, один кашель.

– Командир полка прав. Я ведь тоже не курил до войны с финнами, а как первых товарищей потерял... – Селиванов жадно затянулся.

– Коля, а правда, что ты в финскую войну с командиром дивизии и нашим комбатом Овчинниковым служил?

– Правда. Комдив наш, Иосиф Иванович, вояка старый. Он в царской армии до унтер-офицера дослужился, в восемнадцатом в Красную армию записался, с белыми воевал, с бандитами в Украине боролся. Так и остался в армии, от командира роты дорос до командира полка, а в тридцать восьмом стал командиром двести четвертой воздушно-десантной бригады. Вот в эту бригаду я и попал по призыву...

– И капитан Овчинников тоже?

– Тоже. После Халхин-Гола сразу на войну с финнами угодил. Только он в то время званием поменьше был. Да и я финскую кампанию простым красноармейцем начал... Мы сначала под Ленинградом обучались зимой в лесах и на болотах воевать. Затем нас к станции Лодейное Поле перекинули, а оттуда ближе к линии фронта. Это в феврале было. Потом на лыжах шли к месту дислокации. Мороз, снег, ветер, а мы цепочкой, друг за другом, только вперед... Отдохнуть толком не успели – сразу в наступление. Без разведки, без подготовки, без нормальной артиллерийской поддержки. Многих ребят потеряли. Я тогда первый раз смерть в лицо увидел. – Селиванов достал еще одну папиросу, нервно прикурил. – В ту пору пришлось нам отступить, но уже в начале марта поперли финнов так, что не останавливать. Один за другим взяли острова Максимансари, Петяясари, Пайминосари, за ними Ханко, Вуоратсу, Сико, вышли на мыс. Тут-то война и закончилась. Тогда мне повезло, цел остался. Вскоре Бессарабию и Буковину от румын пришлось освобождать. Парашютный десант высаживали у Болграда. Опять ни единой царапины. А вот с немцами долго повоевать не пришлось. Во втором бою ранили, и пока я в госпиталях отлеживался, мои товарищи под командованием Губаревича воевали на Украине, обороняли Киев. Мало кто в тех боях живым остался... Ну а когда нашу часть отправили в тыл на переформирование, я вернулся...

Разговор прервал мужской голос:

– Папироской не угостишь, солдатик?

Селиванов и Вострецов подняли головы. Рядом стоял чернявый матрос в бескозырке. На ленте надпись «Каспийская флотилия». Селиванов протянул папиросу.

– Держи, краснофлотец.

– Спасибо, – моряк дунул в мундштук, примял пальцами, прикурил у Селиванова, протянул свернутый в трубочку лист бумаги. – А это вам, читайте.

Селиванов взял листок, развернул, вслух прочитал:

– Боевой листок. Так, и что же здесь пишут? Поднатужься, помогая силе русского штыка, Волга, Волга – мать родная, Волга, русская река! Хороший стих. Так, а что здесь? Волгарь, будь начеку!

Моряк ткнул пальцем в листок:

– Ты вот здесь почитай. Про Каспийско-Волжскую флотилию.

– Потом почитаю.

– И то верно, переход нам предстоит дальний. Вместе через Каспий к Махачкале пойдём. Ваших ребят на наш пароход грузят.

– Выходит так. А что, в море качка сильная?

Моряк усмехнулся:

– Бывает и сильная, когда шторм. Только не качка страшна. Немец, собака, обнаглел. Полторы недели назад на Каспии их самолет наш пароход атаковал, и на Волге-матушке эти стервятники разбойничают. Нефтяные баржи топят, сухогрузы, даже пассажирские паро-

ходы не щадят. Недавно из Астрахани вышли два парохода «Вячеслав Молотов» и «Михаил Калинин»...

Вострецов перебил:

– Я мальчишкой вместе с матерью пассажиром на «Михаиле Калинине» плыл из Астрахани. Один матрос мне рассказал, что он раньше «Баян» назывался и на нем сам Валерий Чкалов кочегаром работал.

– Верно, было такое. Так вот, кроме пассажиров и груза тащили они на буксире баржи с бойцами. Вечером за Владимировкой встали на якорь у поросшего деревьями берега и верхние палубы ветками закидали, чтобы, значит, от немецких самолетов спрятаться. Ведь эти паразиты повадились в сумерках прилетать. Пассажиры на берег сошли, а матросы и красноармейцы остались, – моряк затянулся, выпустил изо рта густую струю дыма. – А когда стемнело, пожаловали гости незваные. Они, может, и пролетели бы, но нашлись подлюки продажные, не иначе диверсанты. Пустили сигнальные ракеты, одну с палубы «Вячеслава Молотова», другую с берега, неподалеку от «Михаила Калинина». Пассажиры, знамо дело, вещички похватили и врассыпную. Тут фриц и начал бомбить. Сначала один налетел, за ним второй. Только солдатики на барже не растерялись, на втором заходе подбили одного паскудника из противотанковых ружей. Говорят, вроде бы «Хенкель» был.

– Так ему собаке и надо! – Селиванов бросил окурок на землю, со злобой затоптал, будто это была не папироса, а ненавистный немец. Моряк затушил свою:

– Чую я, братцы, отсюда, от Волги, мы их и погоним назад.

– Твои слова да Богу в уши.

– Попомни мои слова, пехота. Моряки слов на ветер не бросают. Ну, бывайте, мне пора, – матрос козырнул, широко зашагал к пришвартованному рядом судну.

Наблюдая, как моряк поднимается по трапу, возмутился:

– Ишь ты, нашел пехоту.

Селиванов сплюнул.

– А кто мы теперь? Пехота и есть. Крылышки у нас отняли. Скоро форму поменяют, петлицы, и станем мы, Григорий, царицей полей. Как говорится, русская пехота – для врагов забота.

– Это мы еще поглядим. Придет время, и нужда в десантниках появится. Ведь не зря же мы учились с парашютом прыгать.

– Какая разница, где воевать...

Вострецов пихнул Николая плечом:

– Смотри, Губаревич.

Вскочили с ящика, отдали честь. Вострецов никогда не видел командира дивизии близко и поэтому старался разглядеть его лучше. Широкоплечий, крепко сложенный генерал-майор Губаревич быстро прошагал мимо в сопровождении двух командиров. Вострецов успел заметить, что у него широкий лоб, крупный нос, густые брови, прихваченные сединой виски, на суровом, гладковыбритом лице читалась озабоченность.

Селиванов проводил комдива взглядом, покосился на Вострецова:

– Видел, каков?

– Видел.

– Говорят, у него более трехсот пятидесяти прыжков с парашютом.

Команда прекратить погрузку прервала разговор. Селиванов удивленно посмотрел на Вострецова.

– Уж ни в Астрахани ли нас хотят оставить?

– Похоже на то. Так что, Николай Васильевич, судьба дает тебе возможность увидеть свою Машеньку.

Машеньку Николай не увидел, в Астрахани дивизию не оставили, но и на Северо-Кавказский фронт не отправили. В этот же день рота Хитрова, как и иные подразделения дивизии, была срочно переброшена на противоположный берег. Утром командир полка Цыганков обратился к бойцам:

– Немец, пользуясь тем, что на астраханском направлении малое количество наших войск, накапливает силы и двигается в сторону Астрахани, желая достичь Волги! Если немцам удастся захватить Астрахань и продвинуться дальше, то будет затруднена поставка кавказской нефти и иностранной помощи для Красной армии. Этого допустить нельзя! А потому решено нашу тридцать четвертую дивизию бросить на защиту города. Сейчас на разъезде Утюпкино разгружается второй эшелон с подразделениями нашего полка, часть из них уже переправляется на этот берег, а потому обстановка требует срочно выдвинуться навстречу врагу! – Полковник кивнул стоящему рядом полковому комиссару. – Огласите приказ по дивизии.

Худощавый комиссар зычным голосом зачитал приказ, который начинался словами: «К бойцам, командирам и политработникам», а в конце добавил от себя:

– Наше дело правое – мы победим!

Спустя час рота Хитрова в составе передового отряда дивизии двинулась на запад по дороге на Элисту. Ехали на машинах. Полуторки следовали одна за другой. Селиванову и Вострецову не повезло, они ехали в кузове последней машины, и вся дорожная пыль, поднимаемая следующей впереди техникой, оседала на них. К тому же утренняя прохлада сменилась полуденной жарой. Затихли разговоры и смех. Красноармейцы дремали, с унылым видом смотрели друг на друга или на местность, которую проезжали. А она с каждым километром становилась все более безрадостной. Все реже встречались пересохшие озерца и протоки, на мелководье которых бродили кулики, неподвижными корягами стояли цапли, плавали утки. Все чаще можно было увидеть желтовато-бурую от выгоревшей травы степь.

Селиванов достал флягу, сделал глоток, чтобы промочить пересохшее горло и, глядя на товарищей, сказал:

– Чего приуныли, гвардейцы-десантники?! На похороны едем или врага бить? Споем нашу, походную:

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют.

Красноармейцы нестройно подхватили:

В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют...

С каждым словом песня набирала силы, красноармейцы запели слаженнее, и вскоре над степью полетело дружное:

С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет...

Глава вторая

Августовский день достиг своего апогея. Ослепительное и раскаленное солнце безжалостно поливало зноем маловодную калмыцкую землю. Над степью стояло марево, раскаленный воздух дрожал от жары. Горячий, с запахом полыни, навоза и пыли ветер, играясь, гнал по желто-коричневой степи шары перекасти-поля и сухую траву. Казалось, все живое погибло или спряталось от нестерпимого пекла, и только одинокий орел, воспарив высоко в бледно-голубое, почти бесцветное небо, купался в прохладных воздушных потоках.

Селиванов высунулся из окопа, воткнул в бруствер саперную лопату. Порыв ветра бросил в лицо песок. Николай протер глаза, сплюнул.

– Вот зараза!

К краю окопа подошел Вострецов.

– Ты чего ругаешься?

– Чего. От хорошей жизни ругаюсь. Вот чего. Копаешь, копаешь, а песок опять в окоп сыпется. Да еще пот глаза ест.

Бурый кусок земли отвалился с того места, где стоял Вострецов, упал на дно окопа.

– Вот, еще ты тут топчешься, как корова в стойле! Иди, копай свою ячейку, нам еще ходы сообщения до вечера подготовить надо, – Селиванов нагнулся, поднял комок, откинул в сторону. Вострецов на слова товарища не обиделся, знал, что тот любит иногда поворчать и подшутить над ним, однако уважения к нему не терял. Николай был старше на три года и опытнее в воинском деле, имел медаль «За отвагу» за финскую кампанию, а кроме того на него можно было положиться. Гришка помнил, как их, молодых десантников, тщательно готовили перед отправкой на фронт. Многокилометровые переходы, дневные и ночные прыжки с парашютом сменялись занятиями по стрельбе из различных видов оружия и обучением подрывному делу, вождением машины и танка. Каждый день начинался с гимнастических занятий, поднятия гирь и обучения приемам самбо. Николай всегда находился рядом, поддерживал, помогал советом и делом, а потому стал ему почти братом. Он, Селиванов, научил его применять нож в бою. Гришка сначала боевых качеств ножа не оценил, больше отдавал предпочтение штыковому бою и стрелковому оружию. Николай переубедил, рассказал, как во время войны с финнами разведчики противника, отлично владевшие своими национальными ножами пуукко, лишили жизни многих красноармейцев. Теперь Гришка умел метать ножи не хуже самого Селиванова. Знал он и то, что в первые месяцы войны у сержанта в бою под Смоленском погиб братишка по имени Григорий, которого он очень любил. Возможно, поэтому и взял Николай молодого бойца Вострецова под свою опеку.

Селиванов продолжал ворчать:

– Что же здесь за земля такая, ни тебе лесов, ни тебе гор. Глазу не за что зацепиться. Никакой радости. Курганы, бугры, лощины, солончаки, изредка речушки пересохшие или ильменя с камышом, остальное голая степь, вот и все веселье. Сусликов и тех не видно, от жары попрятались. Пока до Линейного выдвигались, веселее было: то селение покажется, то деревья, поля, речки полноводные, а здесь одна тоска. Вода в колодцах горькая, и той мало. Говорят, ребята из другой роты из озера какого-то напились, теперь животами мучаются.

– Наш Василий Передерин тоже из лужи напился, теперь по степи бегает, кусты ищет, где присесть.

– Было бы терпения больше и ума в голове, то не бегал бы. – Николай поскреб ногтями недельную щетину. – Даже побриться нечем, так и до вшей недолго. Хоть бы дождик пошел, второй день ни единой тучки на небе.

– Тетка моя в этих местах бывала. Рассказывала, что здесь весной бывает красиво. Трава зеленая, тюльпаны, маки цветут, другие цветы. А еще большие стада антилоп-сайгаков пасутся, есть волки, зайцы, лисы, тушканчики, а у воды много птицы перелетной собирается.

– Значит, нам не повезло. Мы этой красоты не увидим, – Селиванов вылез из окопа, сел рядом, не спеша стянул сапоги, размотал портянки. – Уф, ноги заперли.

Григорий покосился на Николая:

– Это почему же не увидим?

Селиванов пошевелил пальцами ног, блаженно прикрыл глаза:

– А потому что, друг мой любезный, война на месте не стоит. К весне или немец нас отступить заставит, или мы его обратно погоним.

– Война тоже когда-то закончится, вот тогда вернемся и посмотрим на эту красоту.

– До этого, Гришка, еще дожить надо.

– Доживем.

– А это уж как получится, – Селиванов облизнул пересохшие обветренные губы, взял прикрытую гимнастеркой флягу, открутил крышку, отпил глоток теплой солоноватой воды. Влага смочила пересохшее горло. – Эх, сейчас бы пивка холодного, «Столичного» или «Волжского», – мечтательно произнес он и протянул Вострецову фляжку.

– А я бы от кваса не отказался или от сидра. И еще бы сливочного мороженого.

– Ишь ты, сидро ему подавай, мороженое. Может, тебе еще халвы с шоколадом? Пей воду, только дюже не усердствуй.

– Знаю, с одной фляжкой воды на двоих не больно напьешься. Да еще в паек хлеб и селедку соленую дали, а с нее еще больше пить хочется.

Вострецов попил, отдал флягу Селиванову. Сержант подбодрил:

– Терпи, казак, атаманом будешь, кухню и воду неизвестно когда привезут. Я от артиллеристов слышал, что баржи с машинами и тракторами нашей дивизии под Сталинградом немецкие самолеты потопили. Так что с техникой туго. Солдатская молва донесла: Губаревич у штаба фронта шестнадцать грузовиков забрал, но это для дивизии капля в море. Тех машин, что в Астрахани дали, тоже мало.

Вострецов снял мокрую от пота, покрытую разводами рапы гимнастерку, подставил крепкое мускулистое тело под горячий сухой ветер и палящие лучи солнца.

– Хитров говорил, что скоро должны лошадей и верблюдов для перевозки тяжести прислать.

– Вот, вот. На верблюдах и пойдем в атаку. Нам бы танков больше и пушек. Да и скотину пока не нам, а от нас гонят, – Селиванов посмотрел в сторону калмыцкого селения, на окраине которого батальон готовился к обороне. Оттуда, по дороге на Астрахань, калмыки гнали табун коней и большую отару овец. Пыльный хвост, поднятый копытами животных, ветром понесло на позиции роты. – Ишь ты, пыли больше, чем от танка.

– От немцев скотину уводят, – Вострецов посмотрел в небо. Теперь там парили два орла. Время от времени они выписывали петли, камнями срывались вниз, стремительно налетая друг на друга, схватывались когтями и, кружась в паре, продолжали полет к земле. Казалось, что их гибель неизбежна, но ближе к земле птицы неожиданно разъединялись, разлетались в разные стороны и вновь устремлялись вверх, чтобы начать все сначала. Это походило на танец. Была ли это любовная игра птиц, битва за добычу или поединок соперников в брачный период, Гришка не знал, но вскоре это завораживающее зрелище было прервано. Орлы стали быстро снижаться.

Селиванов замер, вытянул шею, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Протяжный гул с западной стороны возвестил о приближении самолета. Бойцов Красной армии учили, как распознавать самолеты противника по силуэту и звуку. В начале войны этому не придавали особого значения, а потому было немало случаев, когда красноармейцы сбивали

возвращавшихся с задания «сталинских соколов», принимая их за ненавистные немецкие самолеты. Сейчас самолет противника могли определить многие. Особая чуйка в этом деле была у Николая.

– «Фокке-Вульф» – разведчик, по-нашему «Рама», – определил Селиванов, когда стало возможным рассмотреть контуры самолета.

Команда «Воздух!» особенно никого не испугала, «Фокке-Вульфы» нечасто атаковали наземные цели, но вскоре после их появления всегда ждали бомбардировщиков. В этот раз миновало. Самолет покачал крыльями, сбросил несколько десятков листовок, снизился, дал короткую очередь по овцам, пролетел над табуном коней, повернул и скрылся в обратном направлении. Три овцы остались лежать на дороге, остальные кучками рассеялись по степи. Отбились от табуна и несколько коней. Калмыкам с трудом удалось собрать отару и погнать ее следом за табуном.

Ветер принес одну из листовок к окопу. Вострецов поднял, прочитал:

«Русский солдат! Сдавайся в плен! Фюрер гарантирует тебе жизнь и возвращение к семье».

– Вот паскудники! – Вострецов порвал листовку, брезгливо откинул в сторону. Мелкие кусочки бабочками полетели в сторону села. Гришка проводил их взглядом.

Селиванов покосился, наставительно сказал:

– Ты эту мерзость больше в руки не бери. За эти бумажки можно в штрафники угодить или под трибунал. Понял?

– Понял... Николай, смотри. По-моему, комбат Овчинников со старшим лейтенантом Хитровым пожаловали.

– Они. Надевай, Гришка, гимнастерку и продолжай окапываться.

Командиры неспешно пошли вдоль позиций. Когда они оказались рядом с Селивановым, рослый капитан с добродушным вытянутым лицом, слегка вздернутым носом и мощным подбородком остановился, обратил взгляд серых глаз на сержанта.

– Как, Николай, настроение?

– Боевое, товарищ капитан. Жарко только.

– Когда с финнами воевали, холодно было, а мы их одолели. Десантнику ни жара, ни холод не должны мешать бить врага.

– Так точно.

– Ты мне скажи, в разведку к немцам сходить готов?

– Мне не привыкать, к финнам ходил и к немцам схожу.

– Если так, то твое отделение на время выполнения особого задания будет включено в разведгруппу младшего лейтенанта Мамаева. Старший лейтенант Хитров объяснит задачу. – Овчинников, поправил летную фуражку, обернулся к Хитрову. – Командуй, старший лейтенант. Окапываться прекратить, через два часа выступаем. Первоначальная задача отбить у противника совхоз «Ревдольган» и провести разведку боем в направлении населенного пункта Улан-Эрге, а если получится, то захватить его и удерживать позиции до приказа командования о дальнейших действиях. Надеюсь, задача ясна?

Когда командиры ушли, Вострецов посетовал:

– Ну вот, копали, копали, пот лили, а выходит, что зря.

Селиванов махнул рукой:

– Хрен с ними, с окопами! Сами на немцев идем, Гришка! Вот это дело. У меня руки чешутся на этих паразитов.

Глава третья

Ночь щедро украсила небо мириадами звезд, тусклый свет луны скупой лился на бескрайнее степное покрывало, меняя его очертания. Вострецов напряженно вглядывался в темноту из-за бугра-бархана: там, впереди, были позиции немцев и занятый ими поселок с названием Улан-Эрге, куда их разведгруппа должна была вскоре проникнуть. Вострецов вжал голову в плечи, поежился от ночной прохлады. Селиванов положил руку ему на плечо.

– Что, Гриша, страшновато?

– Прохладно.

– Прохладно? Ну, ну. И прямо совсем не страшно?

– Есть маленько, – признался Вострецов, успокаивая себя, погладил ствол «ППШ». Специально для проведения разведки винтовки им заменили автоматами.

– Ты не дрейфь, меня перед тем, как первый раз в разведку идти, тоже потряхивало, потом привык. Немец он тоже человек, тоже боится, и бить его, подлеца, можно. Видел, как мы лихо немецкий передовой отряд погнали и из совхоза «Ревдольган» их выбили?

– Видел.

К бархану подполз круглолицый младший лейтенант Мамаев, тихо спросил:

– Ну что, готовы?

Селиванов кивнул.

– Готовы.

– Времени у нас чуть больше часа. Скоро начнет светать. Атака в пять. К этому часу должны наши самолеты появиться. В поселок раньше времени не суйтесь, попадете под бомбы своей авиации. До их появления нам надо подобраться к позиции фрицев, снять часовых, уничтожить пулеметный расчет на бугре левее нас. Там наши машины с взводом автоматчиков прорываться будут. Я их подожду, а вашему отделению надо продвинуться к Улан-Эрге как можно ближе. Когда наши самолеты отбомбятся, врываются в поселок, постарайтесь подавить огневые точки в крайних домах, а мы за вами на машинах подскочим. Все ясно?

Селиванов прихлопнул комара на щеке.

– Ясно.

– Раз так, пошли.

Два десятка десантников серыми ящерицами заскользили в сторону селения. Немецкие позиции достигли незамеченными. В десяти шагах перед окопом остановились. Селиванов втянул ноздрями воздух. Справа, со стороны пулеметного гнезда, принесло запах сигаретного дыма. Неподалеку от огневой точки маячила немецкая каска. Солдат вермахта с винтовкой за спиной ходил по окопу и что-то мурлыкал себе под нос. Селиванов посмотрел в сторону младшего лейтенанта, тот лежал в шаге от него. Мамаев указал на Селиванова, затем на часового и в сторону огневой точки, сам же по-пластунски пополз влево, с ним пятеро бойцов. Николай кивнул Вострецову в сторону немца в каске. Вострецов вынул из ножен финский нож, которым десантники вместо стропорезов зачастую резали парашютные стропы, но сейчас он нужен был для другого дела...

Немец не заметил, как русский солдат подобрался к окопу, но услышал шорох позади себя и обернулся. Закричать или выстрелить он не успел. Холодное стальное жало финского ножа вошло в сердце. Короткий вскрик, удивленные светло-голубые глаза, кровавая струйка из полуоткрытого рта. Вострецов придержал немца, аккуратно уложил на дно окопа. Это был первый убитый им немец. Первый убитый им человек. Гришку снова затрясло. Ком подкатил к горлу...

– Гюнтер!

Тихий оклик заставил Вострецова замереть на месте. Один из пулеметчиков, видимо, заподозрив неладное, решил проведать товарища. Голос отрезвил, дрожь ушла из тела, ушли и сомнения. Перед ним враг, которого надо убить, иначе он убьет тебя. Когда высокий немец в полевом кепи появился из-за поворота траншеи, Вострецов метнул нож. Долгие тренировки не прошли даром, лезвие вошло в горло по самую рукоятку. Немец захрипел, упал спиной на стенку окопа, повалился на бок. Вострецов на ходу вытащил нож из горла убитого, побежал к пулемету. Немцев в пулеметном гнезде было трое. Двое спали на травяной подстилке под навесом из камуфлированной плащ-палатки, один сидел на корточках с сигаретой в руках. Дальше по ходу сообщения дремал на ящике для патронов автоматчик в пилотке. Немец с сигаретой, мечтательно взирая на звезды, пустил в небо тонкую струю дыма. Появление солдата противника стало для него неожиданностью. Он вскочил, попытался закричать. Позади него в гнездо прыгнул Селиванов, широкая ладонь сержанта закрыла немцу рот. Острый язык ножа лизнул белокожее горло. Горячая струя крови брызнула на спящих. Один из них открыл глаза, потянулся к винтовке. Вострецов прыгнул сверху, на помощь к нему пришли еще два бойца. Десантникам хватило меньше полминуты, чтобы расправиться с остальными. Пленного Вострецовым немца сержант решил оставить. Товарищу шепнул:

– Готовься, Григорий, орден тебе за «языка» обеспечен.

К Селиванову подошел один из десантников, протянул немецкий автомат.

– Держи, командир, трофей.

– Ты, Передерин, оставь эту игрушку себе. В Яшкуле мне один из милиционеров, которые из Элисты отступили, сказал, что немецкие автоматы здесь не годятся, их от песка заклинивает. Видел, фрицы по большей части винтовками вооружены, а с этими тарахтелками у них командиры бегают. Да и наши бойцы по большей части тоже с винтовками, – Селиванов погладил ствол автомата «ППШ». – Немецкие автоматы хороши, но «Папаша» надежнее.

Из темноты вынырнул Мамаев.

– Как у вас?

– Порядок, – Селиванов кивнул на связанного немца с кляпом во рту. – Вот, Вострецов с нашей помощью «языка» взял.

– Хорошо, отправим его в тыл, а ты бери свое отделение и выдвигайся к поселку. Времени у нас в обрез, скоро начнет светать...

* * *

Окраины Улан-Эрге разведчики достигли, когда ночная мгла начала постепенно рассеиваться. Одна за другой меркли звезды, робко забрезжил рассвет, тонкая алая полоса на востоке ознаменовала рождение нового дня. Вскоре оттуда, с востока, послышался низкий, прерывистый, с каждой секундой нарастающий гул авиационных моторов, на фоне светлеющего неба появились расплывчатые силуэты самолетов. В предрассветную высь взмыла красная ракета. С северо-востока молча пошли в атаку роты гвардейцев-десантников. Самолеты быстро приближались и вскоре нависли над поселком.

Селиванов посмотрел в небо, полусшепотом произнес:

– Наши летят. «Илы».

Со стороны немецких позиций раздались винтовочные выстрелы, застрочил пулемет, в ответ раздалось многоголосое громкое «Ура!». Одновременно штурмовики стали сбрасывать смертоносный груз на поселок и позиции немцев. Свист падающих бомб, взрывы, всполохи огня длились около получаса. Селиванов, играя желваками, смотрел, как краснозвездные самолеты бомбят немцев, время от времени он ударял по земле увесистым кулаком, с ненавистью в голосе приговаривал:

– Бей их! Бей! Получите, сволочи!

Сержант помнил, как в первые дни войны немецкие самолеты безнаказанно уничтожали бойцов и технику Красной армии, мирных жителей и их дома. Помнил свою беспомощность перед ревушими смертоносными машинами, против которых у него была только винтовка и лютая злость.

Сделав работу, пятерка «Илов» повернула на восток.

– Пора, – Селиванов вскочил и, пригибаясь, перебежками устремился к окраине поселка.

Авиация постаралась на славу: горели машины, несколько домов, дымилось разрушенное бомбой кирпичное здание сельской школы, на улицах лежали трупы немецких солдат и коней. Саманные хижины на окраине поселка уцелели. Селиванов добежал до одной из них. Из маленького, похожего на амбразуру оконца застрочил автомат. Один из бойцов упал. Селиванов, прижимаясь к обмазанной глиной стене, стал продвигаться в сторону двери. Из-за угла дома выбежал плотного сложения немец с винтовкой. Очередь из «ППШ» прошла немца от правого плеча до пояса. Селиванов перепрыгнул через труп, завернул за угол, метнулся к двери. Немецких солдат рядом не было, сейчас их внимание отвлекало наступление основных сил десантников Красной армии с северо-востока. Сержант обернулся. Вострецов, как всегда, был рядом.

– Гришка, гранату! – Селиванов рывком открыл дверь. Вострецов выдернул чеку, метнул гранату внутрь, бросился на землю. Взрыв сотряс хижину, сорвал дверь с петель, обвалил часть крыши. Селиванов крикнул подбегающим красноармейцам: – Передерин, Филимонов, посмотрите, что там! – побежал к следующему строению. Он уже был около двери, когда она распахнулась, и оттуда появился немец. Не раздумывая, Селиванов толкнул дверь ногой. Дверное полотно ударило немецкого солдата с такой силой, что он споткнулся и повалился в дом. Селиванов кинулся к дверному проему, дал короткую очередь. Он хотел войти внутрь, когда с крыши на него набросился еще один немец. Сильные руки ухватили сзади, сдавили шею. Селиванов рывком перебросил противника через себя. Немец попытался вскочить, но подоспевший на выручку Вострецов ударил его прикладом в висок.

– Сержант, наши! – голос красноармейца Передерина заставил Селиванова посмотреть в степь. К поселку, со стороны позиций десантников, поднимая облако пыли и увиливая от взрывов, мчались два грузовика с десанниками. Помощь пришла вовремя. Немецкие офицеры слышали стрельбу на окраине поселка и бросили сюда своих солдат. Селиванов прикинул, что их не меньше взвода...

Машины остановились за отбитыми у немцев домами. Десантники стали выпрыгивать, лишь только водители затормозили. С криками «Ура!» автоматчики во главе с Мамаевым ворвались в поселок. Немцы попятились. Еще немного и поселок будет освобожден от фашистов. Мамаев ждал, что основные силы вот-вот войдут в Улан-Эрге и окажут им помощь, но этого не случилось. Гвардейские роты достигли окраин, но вынуждены были отступить на прежние позиции под шквальным огнем пулеметов, пушек, минометов и давлением превосходящих сил противника. Немцев становилось все больше. Теперь пятиться пришлось и разведчикам. Вострецов подбежал к Мамаеву.

– Товарищ младший лейтенант, наши ото-шли!

Мамаев отыскал глазами Селиванова, крикнул сквозь шум боя:

– Сержант! Уходим! Уводи людей к машинам! Быстро!

Селиванов кинул гранату в набегающих немцев, отстреливаясь, побежал к полуторкам, увлекая за собой остатки отделения.

Когда Вострецов перемахнул через борт грузовика, Селиванов осмотрелся, спросил:

– Гришка, где Филимонов?

Вострецов отвел взгляд.

– Убит. Никитин тоже. Гордиенко и ефрейтор Глуховских ранены, во второй машине.

К водителю подбежал Мамаев:

– Поехали! Скорей!

Грузовик зарычал, сорвался с места, под свист пуль и разрывы снарядов помчался прочь от поселка...

* * *

Командир роты Хитров встретил разведчиков вопросом:

– Потери есть?

Мамаев кивнул на Селиванова:

– У него двое убитых, у меня трое. Раненых четверо.

– Раненых оставляйте в машинах, остальные на правый фланг.

– Что у вас?

– У нас хреново. Перестреливаемся с фрицами. Поначалу чуть их из поселка не вышибли, только этих паразитов многовато оказалось, в контратаку пошли с танками. Пришлось занятые позиции оставить. Многих потеряли. Младшего лейтенанта Козловского в ноги ранило, позицию покидать отказался, а когда немцы атаковали, он отступить не смог, отстреливался, пока патроны были, потом немцев поближе подпустил и себя вместе с ними гранатой...

Мамаев снял фуражку.

– Хороший парень был. Веселый. Вечная ему память!

Селиванов скрипнул зубами. Хитров поправил портупею:

– Отступить придется. Немцы того гляди с флангов обойдут. Тогда окружение. Командир батальона Овчинников приказал продержаться до подлета нашей авиации, а уж под ее прикрытием отходить к «Ревдольгану».

Рядом раздался взрыв. Фонтан песка взметнулся к небу, за ним второй, третий.

– Опять полезли, сволочи. Мамаев, выполняйте приказ! – Хитров пригнулся, тяжело побежал к позициям роты...

Глава четвертая

Утром следующего дня батальон капитана Овчинникова окапывался на подступах к совхозу «Ревдольган». Название населенного пункта в переводе с калмыцкого языка означало – революционная волна. Десантники, умело орудуя саперными лопатами, вгрызались в землю, каждый знал: от того, как окопаешься, может зависеть исход боя и срок твоей жизни.

Селиванов выкинул очередную порцию земли из окопа, бросил взгляд направо, потом налево, прикрикнул:

– Вострецов, Передерин, копайте веселей, немец ждать не будет, пока вы окопаетесь! Он, зараза, быстро воюет, тактика у него такая, охватит с двух сторон, зажмет в кольцо и давай долбить, как дятел кору. А в полном окружении без подкрепления, без подвоза боеприпасов, без связи, медикаментов и продовольствия долго не продержишься, немец как комбайном нас здесь враз перемолотит. Так что поднажмите, гвардейцы.

Вострецов перестал копать, спросил:

– Николай, а ты в окружении был?

Селиванов опустил глаза.

– Был, Гриша. Был. Меня в ту пору ранили, но ребята не бросили, сами из окружения вышли и меня вынесли, а потом в тыл отправили. Мы тогда думали, что вскорости погоним врага обратно, а оно вон как вышло. Не получилось малой кровью и на чужой территории, как до войны предполагали. Недооценили, значит, противника наши генералы. Оттого неразбериха и потери большие. Мы, когда отступали, видели наш военный аэродром с десятком разбомбленных на земле самолетов, а в небе «Юнкерсы», «Хейнкели», «Мессершмитты» немецкие, как у себя дома летают, издеваются, крыльями с крестами помахивают, а наших «краснозвездных ястребов» раз-два и обчелся... А еще дома разрушенные видели, деревни сожженные, части наши разбитые, красноармейцев и командиров оборванных, грязных, голодных, а порой и безоружных. Посмотришь на них, а у многих в глазах растерянность, безнадега. Да и мы, – Селиванов взмахнул рукой и, немного помолчав, продолжил, – когда с боем прорывались, а когда как мыши ночью, чтобы, не дай бог, на немца не напороться. На душе паскудно, а куда деваться? И дезертиров хватало. Шли здоровые парни и мужики в гражданской одежде на восток, шкуру свою спасали, а у нас личного состава не хватало. Да и боеприпаса с оружием не густо было. Толпы беженцев с детьми малыми, с пожитками видел. И каждый на тебя с укором глядит. – Селиванов тяжело вздохнул. – Тебе приходилось видеть, как дитя у мертвой матери грудь сосет? А умирающих на обочине дороги брошенных стариков ты видел?

Вострецов понурил голову. Николай посмотрел на Гришку тяжелым взглядом.

– Нет? А мне приходилось. Эх, нам бы тогда опыта больше и техники. Ничего, зато теперь злее стали и с фрицами воевать научились. Эх, растравил ты мне душу, Гришка! – Селиванов сплюнул. – Ну, ладно, ты меня не отвлекай. Лучше работай лопатой чаще. И ты, Передерин, тоже поторапливайся. Нечего прыщи на физиономии ковырять. Дело к обеду, а ты еще по грудь не закопался.

Узколицый Передерин редкозубо ощерился:

– А я, может, вечером в совхоз наведаться собрался, глядишь, с какой-нибудь калмычкой познакомлюсь. Что же мне с прыщами идти.

– Вот, вот, без прыщей, зато неумытый. Смотри, разнесет тебе рожу от грязных рук, тогда на тебя ни одна девка не посмотрит.

Передерин покраснел, смущенно буркнул:

– А на меня и раньше не больно-то девчата смотрели. В армию ушел, а с девчонкой погулять так и не довелось.

Селиванов подошел к Передерину, похлопал по плечу:

– погоди, Василий. Вот окончится война, вернешься сержантом или лейтенантом, грудь в медалях и орденах, тогда все девки твои будут. А пока подожди, пока не до девчат. Да и нет, наверное, девчат в совхозе, скорее всего, все жители в сторону Астрахани ушли. Так что...

Речь Николая прервал Вострецов. Он увидел, как полуметровая буровато-серая лента скользнула в окоп рядом с Передериным, крикнул:

– Вася! Змея!

Передерин глянул под ноги, отскочил. Нижняя часть тела змеи свернулась в кольцо, она приподняла голову треугольной формы, быстро шевеля раздвоенным языком, угрожающе зашипела. Василий, опасаясь ее броска, ударил лопатой. Голова змеи отделилась от туловища, но тело, украшенное черной полосой по хребту, еще извивалось. Передерин ударил еще, и еще.

Гришка посмотрел на изрубленное тело змеи:

– Говорят, что убить змею – плохая примета.

Селиванов покосился на Вострецова:

– Будет тебе, со своими приметами. Правильно Василий сделал. Это гадюка степная, у нас на Дону они тоже имеются. Могла и куснуть, а нам перед боем этого не надо.

Вострецов не унимался:

– А еще говорят, что здесь пауки ядовитые водятся.

Селиванов выругался:

– Вот заладил, говорят, говорят. Говорят, что кур доят, а коровы яйца несут. Ты, Гришка, прекращай мне Передерина пугать, а то он того гляди панике поддастся.

– Не поддамся, не боюсь я ваших пауков и змей, – огрызнулся Передерин и посмотрел в небо. Большая черная туча плыла с запада. Вскоре она укрыла степь от палящих лучей жестокого светила. Красноармейцы, уставшие от жары и недостатка воды, с надеждой взирали на тучу. И вот на иссушенную землю упала капля дождя. За ней вторая, третья. Одна из них попала на лицо Передерина. Василий растер каплю по щеке, задрал голову, открыл рот в надежде, что туча прольется обилием влаги. Селиванов подначил:

– Ты шире варезку раскрой, может, что и попадет. Только смотри, в небе птицы летают, как бы вместо дождя тебе что-нибудь другое в рот не залетело.

Передерин закрыл рот, досадливо махнул рукой. Гонимая ветром туча быстро уплыла на восток, унося с собой вожаемую влагу. Солнце с новой силой стало иссушать степь своими лучами. Селиванов с сожалением посмотрел на быстро сохнущие пятна влаги, оставленные редкими каплями дождя.

– Скупая тучка оказалась. Как девка-обманщица, поманила, а поцеловать не дала.

Взволнованный голос Гришки прервал сержанта:

– Не туда смотрите! Николай, смотри, немцы!

Селиванов приложил ладонь козырьком ко лбу, посмотрел в степь. С юго-западной стороны быстрыми букашками приближались мотоциклы, следом, оставляя пыльный след, появились грузовики, из которых стали выпрыгивать, похожие издали на муравьев, немецкие солдаты. Оттуда же приползли три танка.

– Легки на помине. Вспомни дерьмо, вот и оно. С артиллерией явились, сволочи. Вон, позади танков и пехоты батареей разворачивают. Сейчас начнут утюжить.

Передерин поправил пилотку:

– Понаехало их. Силища-то какая.

Вострецов поучительно произнес:

– Суворов говорил: «Воюют не числом, а умением».

Селиванов указал Передерину на Гришку:

– Верно Вострецов говорит. Противника бояться не надо. Надо думать, как его одолеть. Понятно?

Передерин почесал лоб:

– Понятно.

Рядом раздалась команда Хитрова:

– Прекратить окапываться! Приготовиться к бою!

* * *

Немцы с атакой не медлили. Танки рассредоточились и, постреливая на ходу, полезли к позициям десантников, между ними ехали мотоциклы. Они щедро поливали гвардейцев из ручных пулеметов, установленных в колясках. За ними потянулась пехота. Прикрывая ее огнем валом, заработала немецкая артиллерия. Взрыв осыпал Селиванова и Вострецова песком. Подошел Хитров, тронул сержанта за плечо:

– Не стрелять, не стрелять. Подпустим поближе. Огонь по моей команде...

Противно свистнула пуля. Фуражка слетела с головы старшего лейтенанта, упала под ноги Вострецову. Гришка поднял головной убор, машинально прочитал надпись на внутренней стороне: «Фабрика «Красный воин», – протянул командиру. Хитров осмотрел фуражку. Пуля пробила тулью у верхнего канта. Командир роты с сожалением покачал головой.

– Вот зараза!

– Вы бы пригнулись, товарищ старший лейтенант, – предостерег Гришка.

– Не переживай, Вострецов, смелого пуля боится, смелого штык не берет, – Хитров надел фуражку, пошел по окопу, то и дело монотонно приговаривая: – Не стрелять, не стрелять. Подпустим поближе. Огонь только по моей команде...

По танкам ударили из противотанковых ружей. Один из них встал, задымился. Хитров выглянул из окопа, скомандовал:

– Огонь! Отсекайте пехоту!

Позиции десантников взорвались множеством винтовочных выстрелов, автоматными очередями и треском пулеметов. Вострецов прицелился в одну из фигурок в форме мышиного цвета, нажал на спусковой крючок. Короткая очередь. Мимо. Немец будто чувствовал, мотнулся перед выстрелом в сторону. Гришка подождал, пока он подойдет ближе, выстрелил еще раз. Немец на миг замер, словно наткнулся на невидимую стену, упал на бок. Селиванов заметил, что один из мотоциклистов вырвался вперед. Пулеметчик в коляске оказался опытным воякой. Пулемет щедро и точно бил по окопам. Рядом вскрикнул и упал на дно окопа рядовой Передерин. Пуля угодила в голову. Николай мельком глянул на обезображенное, искаженное предсмертной мукой и залитое кровью лицо. Ему вдруг вспомнилось, как Передерин перед боем ковырял прыщи на лице. «Вот и сходил Василий к девкам. Прав оказался Вострецов, что убить змею – это плохая примета». Селиванов зарычал от ярости, стиснул зубы, взял на мушку пулеметчика, но мотоциклист постоянно бросал мотоцикл из стороны в сторону, мешая прицелиться. Николай дал автоматную очередь наудачу. Мотоциклист повалился в коляску на пулеметчика. Мотоцикл закрутился, врезался в кочку, перевернулся. Из-под коляски выполз пулеметчик, приподнял голову, чтобы осмотреться. Селиванов хладнокровно выстрелил.

– Это тебе за Ваську!

Голова немца уткнулась в песок. Свинцовый смерч пронесся по наступающим немцам, они залегли. Усилился огонь из противотанковых ружей. Остановились, а затем попятись танки. За ними спешно отступила пехота. Атака немцев была отбита.

Вострецов посмотрел на Селиванова, задорно сказал:

– Дали мы немчуре прикурить. Показали фашисты задницы.

Николай почесал прямой хрящеватый нос.

– Рано радуешься, парень. Немцы вояки хорошие, их голыми руками не возьмешь.

– Политрук говорил, что против нас и немцы, и румыны стоят.

– А по мне хоть кто. Знаю одно, бить их можно, но и расслабляться не стоит. Первая атака – это только цветочки, ягодки еще впереди.

Николай оказался прав, после часового перерыва немцы снова пошли в атаку. Шли цепью, в полный рост, винтовки наперевес, некоторые с автоматами. Впереди размахивал парабеллумом офицер в фуражке.

Гришка обратился к Селиванову:

– Николай, гляди, немцы в психическую атаку пошли. Решили нас на испуг взять.

Селиванов ухмыльнулся:

– Хрен им с редькой, мы фильм «Чапаев» смотрели. Знаем, как с этой бедой справляться.

По команде «Огонь!» гвардейцы стали выкашивать ряды немецких солдат, но те настойчиво продолжали идти вперед. Тевтонского упорства хватило ненадолго. Заработали пулеметы, противник попытался залечь, но десантники ринулись в контратаку, в ход пошли ручные гранаты. Иметь под носом врага, который неожиданным рывком может достичь окопов, было нежелательно. Немцы, отстреливаясь, стали отступать. Вскоре отступление превратилось в бегство. Вострецов бежал следом за Селивановым с единственным желанием – догнать немцев, вступить с ними в рукопашную схватку и мстить, мстить, мстить... До немцев оставалось не более пятидесяти метров.

Вострецов уже заметил немецкого офицера в фуражке. В голове мелькнуло: «Эх, взять бы фрица в плен!» Мечте Вострецова сбыться не довелось, вокруг стали рваться снаряды и мины. На помощь немецкой пехоте выдвинулись танки. Приказ Хитрова прекратил атаку. Упускать немецкого офицера Вострецову не хотелось, он остановился, выстрелил. Песчаный столб от взрыва заслонил цель. Когда он рассеялся, Вострецов увидел, что немец жив.

– Гришка, сюда! Командира ранило!

Голос Селиванова заставил Вострецова оглянуться. Сержант сидел рядом с Хитровым. Лейтенант лежал с прикрытыми глазами. На гимнастерке у правого плеча расплзалось кровавое пятно.

– К окопам его! – Селиванов взял из руки Хитрова пистолет, засунул себе за ремень. – Скорее! Голову придерживай!

Под свист пуль и разрывы снарядов Хитрова дотащили до окопа. Там уже ждал младший лейтенант Мамаев. Хитрова прислонили к стенке окопа. К Мамаеву подбежали два санитары и симпатичная девушка-санинструктор в синем берете. Мамаев указал на Хитрова:

– Наташа, посмотрите, что с ним.

Девушка кинулась к Хитрову, открыла санитарную сумку с красным крестом на белом фоне, посмотрела на Вострецова:

– Снимите с него фуражку.

Вострецов стащил с подбородка командира ремешок, снял фуражку с головы. Девушка обернулась к санитарам:

– Гимнастерку тоже.

Санитары стащили с Хитрова гимнастерку. Девушка осмотрела и перевязала рану на плече, обратилась к Мамаеву:

– Ничего серьезного, легкая контузия и осколочное ранение мягких тканей.

Хитров открыл глаза, потряс головой. Боль заставила поморщиться, несмотря на это, он попытался встать.

Санинструктор удержала:

– Товарищ старший лейтенант, вам нельзя сейчас резко вставать. Вам надо в санчасть, удалить осколок.

Хитров посмотрел на перевязанное плечо, с трудом выговаривая и растягивая слова, сказал:

– Значит, зацепило меня. В ушах шумит и тошнит.

– Контузия у вас. Скоро все пройдет, но в санчасть все равно надо идти.

– Ладно, пойдем, – Хитров с трудом повернулся к младшему лейтенанту. – Мамаев, остаешься за меня.

Когда санитары и санинструктор Наташа увели Хитрова, Вострецов неожиданно вспомнил про фуражку.

– Николай, я же забыл Хитрову фуражку отдать.

Селиванов успокоил:

– Не переживай. Положи к себе в вещмешок. Хитров вернется, отдашь. Ранение у него легкое, думаю, он у санитаров долго не задержится... А она хороша.

Вострецов недоуменно посмотрел на това-рища:

– Кто?

– Санинструктор Наташа.

– Моя землячка. Тоже из Москвы.

– Все у тебя земляки: и из Ярославля, и из Москвы. Откуда знаешь, что москвичка?

– Помнишь, нас посылали помочь медикаменты грузить?

– Помню.

– Вот тогда мне и удалось с ней переговорить. Говор у нее московский, вот я и спросил, откуда она. Разговорились...

– Может, и меня с ней познакомишь?

– Зачем? У нее муж на фронте.

– Тогда незачем. Чужая жена, тем более солдатка, это святое и неприкосновенное. Ну, хватит о женщинах, будем готовиться к приему пищи. Если мне не изменяет зрение, к нам приближаются корабли пустыни с походной кухней, – сержант перевел взгляд в сторону немецких позиций. – Вон и фрицы, похоже, перекусить решили. У этих паразитов все по расписанию.

Через полчаса к сержанту подошел младший лейтенант Мамаев:

– Сержант, веди свое отделение к кухне. В случае немецкой атаки немедленно возвращайтесь.

Селиванов собрал бойцов, двоих оставил на вверенном его отделению участке. Походная кухня расположилась в ста метрах позади окопов. Два верблюда, доставившие кухню и поклажу с продовольствием, лежали неподалеку и, медленно пережевывая жвачку, надменно поглядывали на красноармейцев. Отделение Селиванова встретил невысокого роста худощавый бровастый ефрейтор лет сорока с лихо закрученными кверху пшеничными усами и половником в руках.

– Шагайте веселее! Только вы остались.

Селиванов подошел к полевой кухне.

– Ты, Великанов, черпаком не размахивай, это тебе не сабля, ты лучше скажи, почему с рассветом, как положено, нас не накормил?

– К вечеру приказано было кухню к Улан-Эрге доставить, а вы оттуда драпанули.

Селиванов возмутился:

– Ишь ты, драпанули. Не драпанули, а отступили в силу сложившихся обстоятельств, уступая превосходящему по численности противнику.

– Вот завернул, прям по-ученому. Ты бы так немца бил, как языком орудуешь, тогда и отступить бы не пришлось, и мне вас по всей степи разыскивать.

Селиванов нахмурился.

– Ты, дядя, говори да не заговаривайся. Мы-то немца потрепали, а вот тебя я что-то на передовой не видел.

– А ты меня не стыди, если бы мне японцы у озера Хасан ногу не прострелили, я бы на передовой тоже вместе с вами был.

– Оно верно, с калечной ногой от фрица убежать тяжело.

– Будет тебе, – примирительно вымолвил Великанов. – Мы ведь только к утру в «Ревдольган» вернулись, а варево греть дрова нужны. Где их в степи найдешь? Кое-как в совхозе насобирали. А как разогрели, дождались затишки и сразу к вам.

– Ладно, не обижайся. Скажи лучше, чем кормить будешь? Мы который день нормально не ели.

– Сегодня щи и кулеш с кониной, – Великанов кивнул бойцам. – Подходи, ребятки, ешь без оглядки. Щи да каша – пища наша.

Красноармейцы один за другим стали подходить к Великанову. Селиванов не утерпел, спросил:

– Балакаешь ты складно, а вот ты мне скажи, откуда кониной разжился?

– Калмыки коней гнали, одна лошадка издыхать стала, ну я ее и выпросил.

– Это ты молодец. Только вот еще о чем хочу у тебя узнать. Приписан ты к кухне, рядом с харчами обитаешь и фамилия у тебя звучная, Великанов, а ни весу в тебе, ни росту. Отчего так? Уж не солитерный ли червь в тебе завелся?

Бойцы рассмеялись, Великанов шутливо замахнулся половником:

– Вдарить бы тебе хорошенько по голове, чтобы язык свой острый прикусил. Давай лучше котелок, пока без еды не остался. Нам еще котлы надо мыть. Вон верблюды ждут уже.

Селиванов подал котелок, спросил:

– Чего ждут-то?

– Помои.

– Помои?

– Мы котлы моем, помои им в поилку выливаем, а им, значит, и вода, и еда. Вот они и ждут, а как котлы мыть начинаем, сразу встают, к нам подходят. Верблюд животное умная. Особенно вон тот большой со светлой шерстью. Мы его в Яшкуле получили. Нам сначала для подвоза лошадок диких из степи пригнали, так мы их приучить не смогли, а верблюды быстро привыкли. Тут еще Темирбека в погонщики дали, – Великанов кивнул на коренастого казаха. – Он с ними быстро договаривается. Держи котелок, сержант. Щи наваристые получились.

– Благодарствую, – Селиванов взял котелок, кусок черного хлеба, сел рядом с Вострецовым, заработал ложкой. Надо было спешить, немцы могли начать атаку в любую минуту.

Глава пятая

Отделение заняло свои места в окопе, когда немцы вновь начали наступление.

Селиванов посетовал:

– Вот паразиты, неймется им. Еще жратва в животе не улеглась, а они опять полезли, заразы.

– Видимо, к ним подкрепление подошло, вот и пошли в атаку.

Немецкий снаряд с воем пролетел над окопом. Позади гроыхнуло. Селиванов вжал голову в плечи:

– Ну, держись, Гришка, сейчас веселье начнется.

Обстрел был жестоким. Такого ефрейтору Вострецову еще не приходилось испытывать. К пушкам и минометам добавилась авиация. Самолеты немцев скинули смертоносный груз, а затем стали поливать окопы из пулеметов. Гул их моторов, стрекот пулеметов, свист пуль, вой мин и грохот от разрывов бомб и снарядов – все слилось в ужасающую какофонию звуков. Два раза снаряды легли рядом, обрушили окоп справа, убили одного из бойцов. Гришка сидел на корточках, ощущая спиной, как содрогается от взрывов земля, и неотрывно смотрел на оторванную ногу убитого красноармейца. Это была смерть. Она была вокруг. Вострецов чувствовал ее присутствие, ее запах, перемешанный с запахом гари, пороха, крови и горелой человеческой плоти. Неожиданно накатило: «А вдруг и меня сейчас, вот так же». Страх схватил за горло. Захотелось глубже зарыться в землю, спрятаться от всего этого ужаса, но приходилось сидеть, ждать и гадать, куда упадет очередной снаряд или мина, и не прилетит ли вместе с ней твоя смерть... Рядом рвануло. Гришку осыпало комьями земли и песком, он машинально прикрыл голову руками, забыв, что она защищена каской. Снова взрыв. Вострецов помимо своей воли перекрестился, истово зашептал:

– Господи милостивый, спаси и сохрани!

Позади окопа ухнула мина. Обстрел не утихал, Гришка не знал, сколько он длился, но ему казалось, что прошла вечность. Тишина наступила неожиданно. Обстрел прекратился, но это была временная передышка. Вскоре немцы возобновили атаку. В этот раз их было гораздо больше. Им удалось достичь позиций десантников при поддержке танков. Один из них ехал в сторону Вострецова. Гришка видел большой черный крест на его башне, видел хищное жерло пушки, смотровую щель и пулеметное гнездо. Немецкий пулемет изрыгнул короткую очередь. Вострецов пригнулся, пули просвистели над головой, взрыхлили бруствер. Песок попал за воротник, посыпался по спине. Вострецов передернул плечами. Справа раздался крик младшего лейтенанта Мамаева:

– Гвардейцы, назад! Стой, мать вашу!

Вострецову хотелось посмотреть, что происходит справа, но сейчас ему было не до этого. Он осторожно выглянул из окопа и нырнул назад. На него, лязгая гусеницами, напозала железная громадина. Вострецов схватил противотанковую гранату, выдернул чеку, метнул в танк. Когда столб земли, поднятой взрывом, осел и дым рассеялся, Гришка увидел, что танк продолжает движение. Мимо. Пулеметная очередь вновь взрыхлила бруствер. Страх на мгновение сковал тело и мысли. Хотелось вскочить и что есть силы бежать подальше от этого смертоносного чудовища. Взгляд упал на две бутылки с зажигательной смесью в нише для боеприпасов. В душе вскипела злость на себя за минутную слабость, за досадный промах, она, в свою очередь, переросла в еще большую ненависть к врагу. Вспомнилось, как по приказу комдива Губаревича их учили не бояться танков. Для этого бойцам приходилось терпеливо сидеть в окопе, пока железная машина утюжила его сверху и при этом поражать танк учебной деревянной гранатой или бутылкой с водой. Тогда страх тоже приходил к нему. Гришка помнил, как первый раз, сидя в окопе, у него сжалось сердце и онемели руки и ноги.

Он даже зажмурил глаза, когда танк наехал на окоп. Помнил, как над головой загрохотало и в его временном убежище стало темно, но ему удалось себя пересилить и поразить танк деревянной гранатой. Позже на учениях он без страха поражал цель. Сейчас полученный прежде опыт ему пригодился, как никогда. Страх прошел. Гришка схватил бутылки, откатился в сторону: надежды на прочность песчаных, рыхлых стенок окопа не было. Вострецов притворился мертвым, подождал, пока танк минует окоп, чиркнул спичкой, поджег фитиль, метнул «коктейль Молотова». Огненная жидкость растеклась по броне рядом с башней. Не мешкая, Гришка бросил вторую бутылку. Удачно. Бутылка попала в корму танка и разбилась о моторный воздухозаборник. Танк запылал, задымился. Боевая машина немцев проехала не более десяти метров, остановилась. Открылись люки. Из танка один за другим стали вылезать немецкие танкисты в черной униформе. Первый спрыгнул с брони, начал кататься по земле, стараясь сбить огонь с комбинезона. Вторым немец сбросил охваченную пламенем короткую куртку и кинулся на помощь товарищу. Из люка показался третий танкист. Вострецов приготовил автомат для стрельбы. Неожиданно чья-то рука отвела ствол. Вострецов оглянулся. Селиванов потянул его за рукав:

– Уходим. Приказано отступить. Немцы прорвались.

Вострецов указал глазами на танкистов.

– Как же эти?

Селиванов кивнул в сторону немецких позиций.

– Там два десятка фрицев на нас идут. Они нас двоих за минуту в решето превратят.

Рядом послышалась немецкая речь. Над головами просвистели пули. Немцы их заметили. Селиванов кинул в наступающих гранату. Вострецов не удержался, дал очередь в танкистов. Теперь спасти могла только быстрота ног.

– Быстрее! За мной! – Селиванов, пригибаясь, метнулся в ход сообщения, за ним последовал Вострецов.

* * *

Гвардейцы, ввиду численного перевеса противника, вынуждены были отступить на окраину совхоза. Закрепились на заранее подготовленных позициях. Туда же ближе к вечеру подошла подмога – две роты десантников, переодетых в новую армейскую форму с пехотными петлицами. Часть из них заняла оборону по соседству с отделением Селиванова. Вновь прибывших бойцов встретили с радостью и шутками. Не смолчал и Селиванов, подначил знакомого сержанта:

– Бражников?! Степан?! А я тебя не узнал. Думал, пехоту в помощь прислали.

Широкоплечий рыжий детина с усеянным веснушками лицом почесал затылок.

– погоди, и до тебя очередь дойдет. Нас моментом оформили, опомниться не успели. Правда, я петлицы отпороть и спрятать успел, кто знает, может назад пришивать придется, когда немца погоним.

Селиванов стер рукавом гимнастерки пот с лица. За дни пребывания в калмыцкой степи оно осунулось и загорело.

– Его бы, подлеца, сначала здесь удержать.

– Удержим. Под Москвой удержали и здесь удержим. Ты анекдот про «катюшу» слышал?

– Нет.

– Слушай. Разговаривают два немца в Берлине. Один другому говорит: «Я слышал, русские женщины очень красивы». Другой немец ему отвечает: «По-видимому, это так. Мой сын пишет, что наши солдаты при упоминании какой-то Катюши просто с ума сходят!»

Посмеяться не пришлось, рыжего сержанта окликнули, он махнул рукой:

– Бывай. Меня к командиру роты вызывают. После поговорим, я тебе еще один свежий анекдот расскажу.

К Селиванову подошел Хитров. Николай удивленно спросил:

– Товарищ старший лейтенант? Так быстро?

Хитров отмахнулся.

– Рана пустяковая, контузия прошла, да и немец расслабляться не дает.

– Это точно.

Подошел Вострецов, вынул из вещмешка летнюю фуражку, протянул Хитрову:

– Ваша, товарищ старший лейтенант.

Хитров белозубо улыбнулся, поправил козырек новой командирской фуражки:

– Мне тут новую, пехотную подарили, а эту ты оставь себе, на память. Извини, что с дыркой, – Хитров посмотрел в бинокль в сторону немцев вправо, затем влево. – Думаю, до ночи они попытаются захватить «Ревдольган».

* * *

Не прошло и получаса, как немцы предприняли попытку овладеть совхозом. Их густая цепь была в пятидесяти шагах от окопов, когда Хитров приказал приготовиться к контратаке. За ротой Хитрова последовали и вновь прибывшие гвардейцы. Вострецов посмотрел на соседей и увидел, что командиры перед атакой сменили армейские пехотные фуражки на летные, с голубыми околышами. Припрятали-таки головные уборы с крылышками в вещмешки. Теперь онигодились. Глядя на командиров, бойцы вспомнили, что они не только гвардейцы, но еще и десантники, а значит, должны драться в два раза лучше. Вострецов вспомнил о фуражке Хитрова, быстро вытащил ее из вещмешка, надел на голову, поправил ремешок под подбородком. Напомнил о том, что они десантники, и Хитров. Хриплым громким голосом он выкрикнул:

– Рота-а! Приготовиться к атаке! Гвардейцы! Десантники! За мной!

Старший лейтенант с пистолетом в руке первый выскочил из окопа. Селиванов кинул взгляд на Вострецова:

– Гришка, держись рядом!

Десантники пошли в контратаку. Многоголосый крик «Ура!» прокатился по калмыцкой степи...

Бежать пришлось недолго. В этот раз противник отступать не стал. Десяток шагов, и гвардейцы столкнулись с немцами. Заработали штыками и прикладами. Завязалась рукопашная схватка, жестокая и кровавая, рождающая в человеке звериные инстинкты, направленные только на то, чтобы выжить, убивая тех, кто может лишить тебя этой самой жизни. В ход пошли кулаки. Били локтями, коленями, головой, душили, грызли зубами. Все смешалось: выстрелы, крики, мат, стоны. Гришке было не по себе, когда он убил ножом первого немца во время разведки под Улан-Эрге, последующие бои, казалось, закалили его, но то, что ему предстояло увидеть сегодня, стало для Вострецова новым испытанием...

Сержант Бражников бежал впереди. Гришка видел, как Степан грамотно, словно на учениях, отбил штык немца, пронзил противника штыком в живот, добил ударом приклада в голову, но в тот же миг немецкая пуля сразила самого сержанта. Бражников застонал, повалился на спину. Пилотка свалилась с головы, оголяя рыжеволосую голову. Перед Вострецовым оказался дюжий немец в каске. Гришка выстрелил из автомата, но противник сделал шаг в сторону и ударил прикладом. Очередь прошла мимо. Гришка успел увернуться от удара, но немец бросил винтовку и вцепился в его автомат. Вострецов потянул его на себя вместе с немцем. Немец стал валиться. Вострецов упал на спину, уперся немцу в живот ногами и толчком перекинул его через себя. Через секунду оба снова стояли на ногах. Но теперь в

руках немца был нож. Он хищно оскалился и занес руку для удара сверху вниз. Вострецов вспомнил приемы самбо, которым его учили, перехватил запястье противника двумя руками, провел подсечку. Немец не понял, как оказался на земле с выкрученной рукой, боль в кисти заставила выронить нож, а удар сапогом в лицо отправил в беспамятство. Вострецов поднял нож, намереваясь покончить с противником, но на него уже набегал сухощавый немец с белесыми волосами без головного убора. Кованый немецкий сапог больно ударил в грудь. Вострецов повалился на спину. Немец ринулся к нему, но между ними неожиданно встал Селиванов. Саперная лопата врубилась в обнаженную голову немца, его льняные волосы окрасились кровью. В это время с земли поднялся обезоруженный Вострецовым гитлеровец. Не дожидаясь, пока немец с белесыми волосами рухнет на землю, Селиванов обернулся ко второму противнику. Лезвие лопаты рубануло горло. Немец с залитой кровью грудью повалился на белобрысого. Вострецов попытался встать. Рука наткнулась на что-то склизкое и мягкое. Гришка посмотрел на руку, ее кисть утопала во внутренностях мертвого немца. Осколок гранаты разворотил солдату вермахта живот. Гришка отдернул руку, посмотрел на окровавленную ладонь. Его едва не вывернуло наружу.

– Гришка, вставай!

Голос, а пуще того, вид Селиванова заставил Вострецова прийти в себя. Он посмотрел на Николая и содрогнулся. Это было лицо убийцы. Горящие безумной яростью глаза, испачканные сажей и кровью щеки, разорванная гимнастерка...

За спиной Селиванова вырос высокий сухопарый немец.

– Коля, сзади! – предупредил об опасности Вострецов. Селиванов резко обернулся, но было поздно, кулак немца врезался в челюсть сержанта. Второй удар повалил его на землю. Выручая товарища, Вострецов бросился на немца. Тот встал в боксерскую стойку и попытался встретить Гришку прямым ударом в голову. Вострецов поднырнул под руку противника, ухватил под колени, толкнул плечом в живот. Немец упал, но сдаваться не собирался, его крепкие руки вцепились в Гришку. Противники стали кататься по земле. Немец попался крепкий и опытный в борьбе. Через несколько секунд он оказался сверху, мощные удары посыпались на голову Гришки. Выручил Селиванов. Удар прикладом по голове заставил немца прекратить избиение. Сам сержант едва избежал вражеского штыка. Он успел уклониться. На помощь Николаю пришел Гришка. Он схватил ствол немецкой винтовки, пихнул немца ногой в живот. Немец устоял, но выстрел Селиванова свалил его на землю. Гришка выплюнул кровавый сгусток, тяжело дыша, произнес:

– Чуть не продырявил тебя, сволочь.

Селиванов утер окровавленной рукой лоб, прохрипел:

– Смелого штык не берет.

Крик «Ура!» возвестил о том, что немцы дрогнули. Сержант крикнул:

– Гришка, за мной!

Вострецов последовал за Селивановым. Десантники пошли в атаку. Немцев преследовали со своим и трофейным оружием, с саперными лопатами, с ножами и просто с голыми руками. Противник не выдержал яростного натиска и отступил на прежние позиции. Гвардейцы отбили свои окопы и удерживали их до позднего вечера, отразив еще две атаки. Тогда же, опасаясь окружения, отошли. Противник не преследовал, для этого у него уже не было сил...

Глава шестая

Батальону капитана Овчинникова удалось избежать окружения и соединиться с другими подразделениями дивизии у поселка Яшкуль, который и предстояло оборонять. Ночь дала красноармейцам, измотанным переходом и подготовкой позиций, небольшую передышку. Вострецов повезло меньше, Селиванов «по-свойски» выделил его в охранение. Теперь Гришка отмахивался от надоедливых и кусачих комаров, боролся со сном, ловил звуки ночи и вглядывался в темноту. Ночь стояла теплая, тихая. Лишь изредка тишину нарушал звонкий стрекот кузнечиков и тонкий комариный писк. Над степью нависло чудесное звездное полотно неба, но в этот час Вострецову было не до любования луной и звездами, он знал, от его бдительности зависит жизнь товарищей. Эту науку он запомнил еще во время обучения. А спать хотелось нестерпимо, до слез, со времени начала боев ему так и не удалось нормально выспаться. Усталость брала свое, грузом висела на плечах и ногах, тяжелели веки, мысли путались, уводили далеко от этих мест. Григорий то и дело отгонял сон, растирал лицо ладонью, мотал головой.

К середине ночи задул прохладный ветерок, облегчая страдания, перенесенные от жары, отгоняя сон и комаров. Не всех. Один из них исхитрился, больно укусил в шею. Гришка почесался. Порыв ветра освежил лицо. Взгляд выхватил в тусклом свете луны движение. Темные пятна быстро приближались к позициям роты.

«Не иначе немцы. Один, второй, третий».

Впереди, метрах в пятнадцати, в ложбинке шорох. «Может, разведка наша возвращается?» Гришка окликнул:

– Стой, кто идет?!

В ответ раздалось только шуршание. Вострецов громко предупредил:

– Стой! Стрелять буду!

И снова молчание. Нервы не выдержали, Вострецов нажал на спусковой крючок. Короткая автоматная очередь разрезала тишину. Ответного огня не последовало. Не прошло и минуты, как рядом оказался Селиванов с двумя бойцами. Сержант спросил:

– Чего стрелял? Немцы?

Вострецов указал на наступающие зловещие тени.

– Видишь, ползут, а в ложбинке шорох.

Селиванов знаком заставил всех молчать, всмотрелся в темноту, ухмыльнулся:

– Эх ты, Гришка, вместо головы шишка. Это же перекасти-поле.

– Так я ж... – попытался оправдаться Вострецов.

– Так я ж, – передразнил Селиванов и обратился к бойцам:

– Оставайтесь здесь. Если что, прикроете. Вострецов, за мной, посмотрим, что там за шорох в ложбинке.

Николай выполз из окопа, за ним последовал Вострецов.

Немцев в ложбинке не оказалось. Десяток шаров перекасти-поля, подгоняемые ветром, шуршали, цеплялись друг за друга, тщетно пытались выбраться на ровную поверхность. Селиванов кивнул Вострецову на высохшие растения.

– Вот они, твои немцы.

– Так мне показалось.

– Когда кажется, креститься надо. Я заметил, как ты в прошлом бою со страха к Богу обратился. Ты же Вострецов комсомолец, а в Бога веришь.

– Да, я...

Селиванов по-родственному посмотрел на Гришку:

– Все правильно, у многих такое бывало, береженого Бог бережет. А я вот в Бога не верю... Товарищ мой, Ванька, верил... Ему в первом бою с немцами руку оторвало и живот разворотило... Я к нему подбежал, гимнастерку разорвал, чтобы рану перевязать, а у него на груди крестик, весь в крови... Глаза в небо смотрят. И такая в них боль и мольба... Тоже, наверное, Бога молил, чтобы Всевышний ему жизнь сохранил... Так с мольбой в глазах и помер... А Степан Бражников, как и я, тоже не верил... Мы с ним с финской знакомы. Хотел мне анекдот рассказать, так и не успел... Где он теперь? Пуля она не разбирает, верующий ты или нет...

Вострецов молчал. Николай положил руку ему на плечо:

– Ты не обижайся. Каждому свое. Хочешь верить – веруй, может, тебе Бог и поможет... Ладно, поползли назад, надо командиру доложить о твоей бдительности...

За чрезмерную бдительность старший лейтенант Хитров журить не стал, но и хвалить тоже. Отправил бойца спать. Однако хорошо отдохнуть Вострецову не удалось. С утра немцы мелкими группами стали прощупывать позиции полка, ближе к полудню к ним прибыла артиллерия. Вострецов отметил, что и к десантникам подошла помощь. Накануне он видел, как в Яшкуль прибыли три десятка всадников из калмыков и рота автоматчиков. Справа, на взлобке, развернулась минометная батарея. Схватка с врагом предстояла серьезная.

Вострецов не ошибся, в полдень немцы пошли в наступление на Яшкуль. И снова бой, и снова позади мирное селение, а впереди враги. И снова Гришка видел с высоты взлобка, как накатывает беспощадной волной эта вражеская неумная сила, как, следуя отработанной тактике, грузовики с немецкими солдатами охватывают поселок с юго-запада и юго-востока, как более десятка крестоносных танков, при поддержке пехоты и артиллерии, пошли в лобовую атаку. Один из танков достиг позиций десантников в том месте, где держали оборону Вострецов и Селиванов. Здесь же появился и Хитров. То и дело выкрикивая: «Отсекайте пехоту! Пехоту отсекайте!» – подбежал к сержанту:

– Селиванов, подпусти его поближе и...

Договорить старший лейтенант не успел, взрыв заставил его пригнуться. Когда Хитров выпрямился, Селиванов уже держал в руках противотанковую гранату.

– Сделаем, командир, не первый раз на танки ходить.

Хитров посмотрел в сторону танка. Огонь десантников заставил немецких пехотинцев залечь.

– Селиванов, пора.

Николай рванулся было из окопа, но в этот момент в смотровую щель боевой машины ударил патрон противотанкового ружья. Из открытого люка стали выскакивать немецкие танкисты, на помощь им поспешили пехотинцы. Десантникам пришлось туго, если бы на помощь не подоспел комбат Овчинников с тремя автоматчиками. Ручные гранаты и шквальный огонь защитников Яшкуля заставили немцев откатиться. Лишь только они отошли, к капитану Овчинникову прибежал связной.

– Товарищ капитан, сообщение от майора Голохвастова...

Крик: «Воздух!» заставил всех присесть. Тройка «Мессершмиттов» с ревом пронеслась над окопами, обстреляла их из пулеметов и умчалась в сторону поселка.

Связной отряхнулся, продолжил доклад:

– Командир полка Цыганков в Утте, никак не может прорваться к Яшкулю. Майор взял командование на себя...

Овчинников с некоторым раздражением прервал связного:

– Знаю. Говори по делу.

– Немцы прорвали оборону на стыке восьмой и девятой рот и ворвались в поселок. Надо ударить им во фланг и закрыть брешь.

Овчинников посмотрел на Хитрова:

– Отделение Селиванова поступает в мое распоряжение. Держись, старлей...

* * *

Овчинников, автоматчики и остатки отделения Селиванова устремились к поселку, на улицах которого уже кипел бой. Николай и Гришка подбегали к глинобитному дому на окраине, когда взрыв артиллерийского снаряда повалил их на землю. Сами встать они уже не смогли. Гришка получил легкую контузию и ранение в руку, Селиванова ранило в ногу и голову. Дальше воспоминания Гришки стали отрывистыми, боль и усталость то и дело бросали его в забытие. Он помнил расплывчатые лица санитаров, которые несли его в санчасть, помнил хруст песка на зубах и привкус крови во рту. Запомнилась ему и недолгая затишка ближе к вечеру, столбы черного дыма над Яшкулем, когда в сумерках, на виду у немцев, двухтысячный отряд под командованием майора Голохвастова уходил из поселка мимо кургана с названием Ацха-Хартолга...

Глава седьмая

Вострецов открыл глаза. Взгляд уперся в белый испещренный в нескольких местах мелкими трещинками потолок, побежал по окрашенным зеленоватой краской стенам, остановился на кровати, застеленной белой простыней, на которой покоилось его израненное тело в чистом белье. Ноздри втянули воздух, пахло медикаментами. Аромат не из приятных. Однако Гришке он доставлял удовольствие и был не сравним с запахами пота, гари, порохового дыма и крови, которые преследовали его в степях Калмыкии. Ему до сих пор не верилось, что война, окопы, постоянное чувство голода, жажды, недосыпа, усталости, опасности и нескончаемая череда боев далеко отсюда. Десятиместная палата госпиталя сейчас казалась ему раем. Взгляд потянулся к окну. За приоткрытыми створками светило солнце, радостно щебетали малые птицы, ветла махала ему зеленой веткой, как старому знакомому. За окном стояло молодое «бабье лето». Совсем близко слышался детский смех. Гришка вспомнил, что сегодня первое сентября. Память вернула детство, школьные годы, строгий образ отца и добродушное лицо матери. Захотелось выйти на улицу, полностью окунуться в море погожего дня. Вчера ему это удалось. Он даже прогулялся вокруг трехэтажного здания госпиталя по астраханским улочкам, как оказалось, знакомым со времен, когда он приезжал на каникулы к тетке. Но сейчас такой возможности не было: с минуты на минуту должен был начаться обход, да и травить душу Селиванову, который то и дело пытался подниматься, невзирая на раненую ногу, было неохота. Оставалось только любоваться видами Астрахани из окна второго этажа.

Обход принес радостную весть для обоих. Военврач сообщил, что их раны не серьезные и скоро они снова окажутся в строю. От этих слов мрачное настроение Селиванова рассеялось. Когда врачи ушли, сержант улыбнулся, подмигнул Вострецову:

– Готовься, Гришка, скоро пойдем селения отбивать, которые фрицам отдали.

Вострецов сел на кровати, согласно кивнул:

– Пойдем, а то и повоевать пришлось меньше недели. Стыдоба.

Лицо Селиванова помрачнело.

– А ты не стыдись. Иной раз за один бой можно столько натерпеться, что на всю оставшуюся жизнь хватит.

– Это верно, – сказал усатый пожилой сосед по палате с перебинтованной рукой и повязкой на глазу.

Селиванов продолжил:

– Мало, говоришь, повоевал? Тебе, Гришка, повезло, другие и одного дня не успели повоевать. Война быстро нашего брата перемалывает. Большинство в первых боях гибнет. Особенно новобранцев неопытных.

Усатый сосед снова вмешался:

– Иным и до фронта добраться не суждено было. Наш эшелон в сорок первом до места назначения доехать не успел, на подходе разбомбили. Я чудом уцелел, а многие так и остались у железной дороги лежать, пороха не понюхав...

Вострецов понурил голову. Селиванов после недолгого молчания произнес:

– Скажи спасибо, что живым остался и еще сможешь немца бить, и к мамке, может, вернешься, а Степан Бражников, Василий Передерин и многие другие уже нет.

Более минуты в палате висела гнетущая тишина. Ее нарушил Селиванов:

– Так что радуйся жизни, Гриша, здесь как на курорте.

Скрип двери прервал его речь. Все повернули головы. В палату, подобная солнечному лучу, вошла девушка-санитарка в белом халате и косынке, с ведерком и шваброй в руках. Селиванов хотел продолжить говорить, но осекся, признав в санитарке Машу. Впечатления

от изнурительных боев на время отодвинули мысли и воспоминания о девушке, но теперь Селиванов и Вострецов жадно впились в нее глазами.

– Королевна, – с восхищением вполголоса произнес Селиванов.

Маша поздоровалась и начала мыть пол. Работала она сноровисто и скоро очутилась у коек Селиванова и Вострецова, которые стояли рядом. Селиванов приподнялся на локте, артистично пригладил темно-русые волосы:

– Здравствуйте, Маша!

Девушка удивленно вскинула брови:

– Откуда вы меня знаете? Я только вчера устроилась в госпиталь.

– У меня особый дар. Я даже знаю дом, в котором вы живете.

– Мы встречались с вами раньше?

– Да. Неделию назад мы прошли строем мимо вашего дома, и я попросил вас подарить мне свою улыбку. Помните? Мы еще тогда пели: «Смелого пуля боится. Смелого штык не берет».

Маша на миг нахмурила брови, перевела взгляд на Вострецова, а затем радостно сказала:

– Вспомнила. И товарища вашего вспомнила. У него глаза добрые. Только почему-то он молчит. У него контузия?

– Нет, он просто опешил от вашей красоты. Впрочем, как и я.

– По вам не скажешь.

Селиванов кивнул на Гришку:

– А по нему?

Вострецов покраснел. Маша вдруг смутилась, вновь принялась за работу. Когда она закончила уборку и направилась к двери, Селиванов бросил ей вслед:

– Машенька, пожалуйста, навещайте нас почаще и дарите свою улыбку, чтобы мы поскорее поправились!

Маша обернулась, взгляд выразительных темно-серых глаз остановился на Вострецове:

– Хорошо, я постараюсь.

Когда за девушкой закрылась дверь, Селиванов посмотрел на Вострецова, произнес:

– Думается мне, что моя стрела любви пролетела мимо сердца королевы, а вот твоя угодила прямо в цель.

Вострецов смущенно отвернул голову, Маша ему действительно нравилась, но вставать на пути старшего товарища, которого безмерно уважал, он не собирался.

– Будет тебе.

– А ты не красней. Уж ты мне поверь, я в девчатах разбираюсь. Видел, как она на тебя смотрела. Понравился ты ей. Так что дерзай. Уступаю.

Селиванов поддержал усатый сосед:

– Правильно. Я вот что скажу, ты не теряйся, парень, бери от жизни, пока дает, прозеваешь – она уйдет. Оглянуться не успеешь, как снова на фронте окажешься, а там не до любви будет.

Селиванов почесал затылок:

– Ты лучше вот что сделай. Я из окна видел, в соседнем дворе цветы растут. Так вот, ты ночью тайком наведалься бы туда и Машеньке букетик нарвал.

Вострецов отмахнулся:

– Да брось ты.

Селиванов не отставал:

– Не брошу. Говори как на духу мне, своему боевому товарищу. Нравится она тебе или нет?

Вострецов отвел взгляд, тихо вымолвил:

– Нравится.

– Тогда действуй.

– Как? В окно со второго этажа прыгать. А вдруг ногу или руку сломаю.

Селиванов рассмеялся:

– Вот так гвардеец-десантник, с парашютом из самолета прыгал, а со второго этажа боится! Не стыдно?

Вострецов вскочил с кровати:

– Я не боюсь!

– Вот и прыгай, как тебя учили. Сгруппируйся и вниз, но не забывай про раненую руку, а назад мы тебя при помощи простыней подыдем. Эх, и чего только не сделаешь, чтобы товарищ был счастлив в любви!

* * *

Ночью Вострецов наведлся в соседний двор и вернулся с цветами. Однако не все прошло гладко. Прыжок удался, но ногу Гришка все же слегка подвернул. Прихрамывая, он добрался до калитки, подергал, она оказалась закрытой. Оставалось проникнуть во двор через полутораметровый забор. Сделать это с раненой рукой было сложно. Гришка ухватился здоровой рукой за край забора, подпрыгнул, помогая ногами и слегка раненой рукой, с трудом одолел преграду. Посадка оказалась не мягкой. Гришка приземлился на пустое ведро, которое громко загрохотало, разбудив собаку в соседском дворе. Ее громкий залиvistый лай разбудил обитателей дома. Открылась дверь. Вострецов нырнул за стопку дров, притаился. Во двор вышел сухой сутулый мужчина в семейных трусах и майке, с топором в руках. Огляделся, прошелся по двору, но до места, где спрятался Гришка, не дошел. Тонкий женский голос окликнул из дома:

– Арсентий, кто там?

– Да вроде бы никого.

– Так заходи. Чего там бродишь?

Мужик, шлепая калошами, одетыми на босу ногу, зашел домой. В соседнем дворе прикрикнули на собаку, она замолчала. Не теряя времени, Вострецов устремился к клумбе, сорвал несколько цветов и через калитку вышел на улицу. Забраться снова на второй этаж госпиталя тоже оказалось не так просто. Причиной была раненая рука, к тому же помехой был букет. На свист Вострецова из окна выкинули связанные простыни. Гришка зажал стебли цветов зубами, вцепился в простыню здоровой рукой и, упираясь ногами, стал подниматься. Ему это вряд ли удалось, если бы не соседи по палате, которые подняли и втащили его в окно. Почувствовав под ногами пол, Гришка вынул изо рта букет, отплевался, отыскав в темном помещении силуэт Селиванова, подошел и тихо доложил:

– Товарищ сержант, ефрейтор Вострецов задание выполнил.

Ответ Николая Гришку огорчил.

– Цветы ты принес, но задание почти провалил. Я из окна наблюдал. Шуму от тебя было, как от паровоза. А все должно было пройти тихо. Я ведь тебя специально послал, чтобы ты не расслаблялся. Десантник кругом должен уметь проявлять смекалку, силу и правильно применить обретенные навыки. Понятно?

– Так точно.

– Хорошо, что собаки во дворе не было, а то бы покусала тебя за одно место, тогда посмеялась бы над тобой Машка. Ну да ладно, ложись спать. Завтра тебе предстоит еще одно важное задание, вручить букет Маше...

Глава восьмая

Одно дело выпрыгнуть из окна и скрытно пробраться в чужой двор, другое – подарить цветы девушке, с которой первый раз общаешься. Для Гришки второе оказалось труднее. Внезапная робость овладела им утром. Подбодрил Селиванов:

– Давай, не робей. Ты же десантник, гвардеец. Иди, жди ее у входа. Она сейчас с дежурства домой пойдет, я узнал.

Селиванов оказался прав, Гришка не прождал и десяти минут, как массивная резная дверь госпиталя открылась и на улицу вышла Маша. Гришка спрятал букет за спину, робко шагнул к девушке:

– Маша, здравствуйте.

Маша удивленно посмотрела на светловолосого среднего роста парня с добрыми голубыми глазами.

– Здравствуйте. Не ожидала вас здесь увидеть. Почему вы не в палате?

Подрагивающим от волнения голосом Гришка произнес:

– А я вас жду, – он протянул цветы. – Это вам.

Маша взяла цветы, понюхала.

– Спасибо. Откуда они у вас? Такие же у моей тети, Зинаиды Петровны, растут, она вон в том доме живет. – Маша указала на дом, во дворе которого он ночью сорвал цветы.

Вострецов покраснел, опустил голову:

– Я их там взял... Ночью... Простите...

Гришка собрался уходить, но Маша остано-вила:

– Подождите. Конечно, рвать чужие цветы нехорошо, но мне все равно приятно, что вы мне их подарили.

Гришка посмотрел в глаза девушке.

– Правда?

– Да. Только я до сих пор не знаю имени того, кто вручил мне эти цветы.

– Меня Гришей зовут.

– Очень приятно, а мне, я так понимаю, представляться не надо?

– Не надо. Я ваше имя запомнил еще с того дня, когда мы мимо вашего дома проходили.

Маша смущенно поправила волосы:

– Мне пора. Надо проведать брата, он в доме рядом с тетей Зиной живет. Мы раньше тоже там жили, но потом мама с отцом развелись... Брат Боря остался с отцом, а я с мамой переехала в дом, около которого вы меня видели. Отец уехал из города три года назад, больше мы его не видели. Брат остался жить в его квартире, он недавно с фронта пришел, без руки. Оттого и пьет... Где он только выпивку находит? Иногда буяннить начинает, соседям мешает. Тетя Зина на него жалуется маме... Меня он любит, при мне не пьет. Я иногда у него остаюсь ночевать, стираю, убираю, да и до госпиталя от него идти ближе.

– А у меня здесь тоже недалеко тетка живет. Рядом с рынком. Вот поправлюсь и ее навещу.

– Обязательно навестите, – девушка протянула руку. – До встречи.

– До встречи, – ладонь Вострецова обхватила тонкие и, как ему показалось, холодные и чуть подрагивающие от волнения пальцы девушки...

* * *

Встреча состоялась на следующий день. Маше и Вострецову удалось несколько раз поговорить. Недолгие разговоры усилили их симпатию друг к другу. Гришка понял, что окончательно влюбился в эту добрую и разговорчивую девушку. Он то и дело выходил в коридор в надежде увидеть ее, ждал, когда она зайдет в их палату. Когда это случалось, он одаривал Машу влюбленным взглядом, ожидая взаимности, и получал ее. Он ловил каждый взгляд ее темно-серых выразительных глаз. Когда их взгляды встречались, сердце Гришки начинало радостно биться, впрочем, как и у Маши.

Любовь Маши и Гришки росла с каждым днем, приближалось с каждым днем и выздоровление Селиванова и Вострецова, что немало огорчало влюбленных. В один из дней им на короткое время удалось уединиться у окна в конце коридора. Вид у Маши был хмурый. Когда Гришка спросил: «Что случилось?» – она грустно ответила:

– Я слышала, как начальник госпиталя говорил, что вас выпишут дней через десять, может, через пятнадцать.

Гришка бросил на нее полный нежности взгляд, взял за локоть, успокаивающе произнес:

– Не переживай, все будет хорошо. Прогоним немцев, и я вернусь.

– Если бы так. Да и когда война кончится неизвестно, сколько людей уже погибло.

Гришка попытался подбодрить:

– Нас, десантников, пуля боится, и штык не берет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.